

КОМПОЗИЦИЯ ЦИКЛА «ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ» Н.А. НЕКРАСОВА

В статье анализируется композиция цикла «Последние элегии» Н.А. Некрасова, состоящего из трех стихотворений. Рассматривается структура каждого стихотворения, определяется его роль в построении цикла в целом.

В ряде работ мы исследовали композицию жанра элегий Н.А. Некрасова [1]. Анализируя тематическую композицию элегий по методике, предложенной М.Л. Гаспаровым [2], мы продемонстрировали традиции Пушкина, Баратынского и Жуковского. Создавая типологию композиционных типов элегий Некрасова, мы выявили следующие типы: «расчленяющий» тип, в котором просматриваются традиции Баратынского; «совмещающий» – по типу элегий Пушкина; «блочный» тип, отражающий особенности школы Жуковского; «разрастающийся», созданный самим Некрасовым. В настоящей статье мы хотим выяснить, будет ли композиция элегий, входящих в цикл, соответствовать описанным нами типам отдельных элегий поэта.

В корпус текстов элегий Некрасова входят два цикла: «Последние элегии» и «Три элегии (А.Н. Плещееву)» [3]. Оба они уже привлекали внимание исследователей. Ю.М. Лотман анализировал цикл «Последние элегии» с точки зрения его фразеологии, «организации стилистического уровня» [4]. И.Г. Савостин описал сюжет дороги в «Последних элегиях» [5]. Е.Н. Опришко исследовала специфику романтической поэтики в «Последних элегиях» [6]. Наиболее ценна для нас работа известного некрасоведа А.М. Гаркави «Композиция стихотворных циклов Н.А. Некрасова» [7], в которой, среди прочих циклов, рассматриваются «Последние элегии» и «Три элегии».

Принимая во внимание результаты наблюдений литературоведов, мы в данной статье проанализируем цикл «Последние элегии», который состоит из трех стихотворений: I. «Душа мрачна, мечты мои унылы...», II. «Я рано встал, недолги были сборы...», III. «Пышна в разливе гордая река...». Мы, солидаризируясь с Гаркави, считаем, что рас-

сматривать первое стихотворение как экспозицию, второе – как завязку и т. п.» не имеет смысла, «ибо сквозной фабулы в цикле нет» [7, с. 39]. Гаркави изучил «Последние элегии» с точки зрения «характера связи» стихотворений, входящих в цикл. О значимости связей стихотворений в цикле говорят многие цикловеды: Л.Е. Ляпина, М.Н. Дарвин, С.А. Фомичев и др. [8]. В «Последних элегиях» связь между стихотворениями осуществляется на нескольких уровнях: «тематическом» [7], «ритмико-синтаксическом», «стилистическом» [4].

Композиция каждого стихотворения, насколько нам известно, не рассматривалась учеными; мы восполним этот пробел.

Первую элегию цикла «Душа мрачна, мечты мои унылы...» Ю.М. Лотман «...в отношении к принципам семантической организации...» делил на две части. Первая часть «...до середины шестнадцатого стиха...», в которой «...идет прямое описание душевного состояния автора...», вторая – «развернутое сравнение», причем «вторая часть, в свою очередь, делится на три по-разному организованных в лексико-семантическом отношении отрезка» [4, с. 207-208].

Применяя методики В.Е. Холшевникова, Т.И. Сильман, Р.А. Евсеевой [9], мы в композиции элегий циклов выделили 3 части. Так, элегия «Душа мрачна, мечты мои унылы...» состоит из трех частей: зачин содержит описание душевного состояния героя, разработка раскрывает причину его печальных раздумий, концовка представляет развернутое сравнение.

Зачин строится на основе ярких поэтических штампов, имеющих «следы» влияния Пушкина и Лермонтова, на что было уже указано Ю.М. Лотманом.

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,

Привычки, прежде милые, постыли,
И горек дым сигары. Решено! <...>

«Цепь литературных штампов», по мнению Лотмана, составлена из функционально разнородных звеньев, что подчеркивает особый принцип организации семантики Некрасова – его поэтика «подразумевает множественность типов семантической структуры» [4, с. 210]. Для нас интересен тот факт, что уже в зачине показана безвыходность положения героя: «Решено!» (4 строка). Некрасов в самом начале задает не унылый и не печальный тон (хотя и пользуется штампом «мечты мои унылы»), а трагический.

В разработке драматизм ситуации усиливается повтором слова «горечь» в 5 и 7 строках, а также фокусированием всех несчастий в одном человеке («мечты мои унылы», «мой жребий¹ горек», «я не избег», «мой светел ум», «я вижу все»), причем в трех случаях «я» выдвигается в начало строки. Л.Г. Фризман отметил, что в элегиях Жуковского через «удел прекрасного на свете» показана смерть как «общий жребий, то, что ждет всех» [10, с. 148], а у Баратынского, по словам М.И. Семенко, изображена «фатальная безнадежность всего человечества» [11, с. 150]. Некрасов одинок в своей участи: в разработке его думы «одинокие», в концовке – «кругом все чуждо», «никто его не призрел» (это будет проявляться и в других элегиях цикла). Обострение трагичности достигается за счет упоминания о ранней смерти:

<...> ...А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. <...>

Робкие надежды на будущее – «Теперь бы мог я сделать что-нибудь...» резко обрываются: «Но поздно!». Поэт, таким образом, углубляет драматизм ситуации и, казалось бы, завершает тему.

В концовке «жизненный путь» сравнивается с «путем» в его прямом смысле (доро-

гой). Сравнение начинается словами: «Я, как путник безрассудный...» и продолжается до конца элегии, занимая 12 строк:

<...> ...Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом все чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, среди большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз –
Все мимо, мимо!.. подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди – смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно до могилы...

Со слов «кругом все чуждо» начинается «разрастание» темы за счет боковой темы «лишнего человека» (эта же тема звучит в зачине элегии Некрасова «Памяти Белинского»). Мы отмечаем, что до этого момента в стихотворении был эксплицитный субъект «я». Здесь «я» переходит в «он»: «стоит он», «никто его не призрел», «он упал». По нашему мнению, в этом случае Некрасов говорит о герое уже как о неживом человеке. Новый взгляд, «со стороны» на героя (на него) дает «разрастание» в концовке. Со слов «тогда к нему толпой» взгляд обращен уже не на него, а на толпу. В этих строках и до конца элегии мы видим второе «разрастание» темы концовки: на героя люди обратили внимание только тогда, когда его уже нет в живых. Последняя строка «И подвезут охотно до могилы...» пронизана горькой иронией. Анализ первой элегии цикла показал, что она имеет «разрастающийся» композиционный тип с двойным разрастанием в концовке.

Вторая элегия цикла «Я рано встал, недолги были сборы...» трехчастна. Зачин составляют две строки:

Я рано встал, недолги были сборы,
Я вышел в путь, чуть занялась заря <...>.

Разработка темы, разросшаяся в двух случаях, аллегорична:

¹ Во фразе «мой жребий горек» есть «следы» элегии Е.А. Баратынского «Из А. Шенье»: «И далеко ищущи, как жребий мой ни струг, / Я жить и бедствовать услужливый предлог».

<...> Переходил я пропасти и горы,
 Переплывал я реки и моря;
 Боролся я, один и безоружен,
 С толпой врагов <...>

Последние две из приведенных строк, по мнению Гаркави, являются «...идейным центром всего цикла. Некрасов не называет врагов по именам, но подразумевает, очевидно, врагов социальных, – может быть, весь тогдашний несправедливый строй...» [7, с. 42]. Именно с этим исследователь связывает выбор поэтом аллегорической формы во второй элегии.

Разрастание темы в первом случае произошло за счет введения прямой речи:

<...> «По силам ли, о боже! труд подъемлю?»
 <...>

и во втором случае из-за «развернутого аллегорического образа»:

<...> Насмешливо сгибаясь и кряхтя
 Под тяжестью сумы своей дырявой,
 Алчбы и жажды бледное дитя,
 Голодный труд, попутчик мой лукавый,
 Уж прочь идет: теперь нам розный путь <...>

Мысль о голоде в первой элегии: «И реже в дверь мою стучится голод» – повторилась, «но уже в виде <... > образа» [7, с. 42]. В последних строках разработки появляются мысли о близкой смерти (как и в первой элегии):

Вперед, вперед! Но изменили силы –
 Очнулся я на рубеже могилы...²

Концовка, выделенная поэтом графически (пробелом), на наш взгляд, тоже «разросшаяся». Разрастание (последние четыре строки) образовалось за счет описания ситуации после смерти.

И некому и нечем помянуть!
 Настанет утро – солнышко осветит
 Бездушный труп; все будет решено!

И в целом мире сердце лишь одно –
 И то едва ли – смерть мою заметит...

Мотив одиночества и безызвестности Некрасова, по нашему мнению, перекликается с элегиями русских поэтов пушкинской поры – с одиночеством Баратынского в «Бдении»: «И мне назначена могила! / Умру в чужой стране, / Умру, и ветреная Лила / Не вспомнит обо мне!», с надеждой Пушкина в «Элегии» («Я видел смерть; она в молчанье села...») на то, что кто-нибудь заметит его смерть: «Друзья мои, – тогда подите к ней; / Скажите: взят он вечной тьмою... / И может быть, об участии моей / Она вздохнет над урной гробовою».

Третья элегия «Пышна в разливе гордая река...». Зачин этой элегии задает аллегорический тон всему стихотворению:

Пышна в разливе гордая река,
 Плывут суда, колеблясь величаво,
 Просмолены их черные бока,
 Над ними флаг, на флаге надпись:
 слава! <...>

В разработке темы «аллегоризм сгущается: поэт представляет себя в виде скромного челна, гибель которого незамечена толпою, все внимание которой обращено на стоящие тут же гордые корабли» [7, с. 42]:

<...> Толпы народа берегом бегут,
 К ним приковав досужее вниманье,
 И, шляпами размахивая, шлюют
 Пловцы родному берегу прощанье, –
 И вмиг оно подхвачено толпой,
 И дружно берег весь ему ответит.
 Но тут же, опрокинутый волной,
 Погибни челн – и кто его заметит? <...>

Как указала Е.Н. Опришко, ссылаясь на Б.М. Эйхенбаума, сравнение неудавшейся человеческой жизни с челном было традиционным в романтической литературе [6, с. 33].

«Разрастание» темы выступает в виде рассуждений поэта о незамеченной никем гибели героя:

² На наш взгляд, Некрасов заимствовал фразу «Очнулся я» из элегии «Бдение» Е.А. Баратынского: «Очнулся я; румян и светел...».

<...>А если и раздастся дикий стон
 На берегу – внезапный, одинокий,
 За криками не будет слышен он
 И не дойдет на дно реки глубокой... <...>

В данных строках, на наш взгляд, сконцентрировано смысловое ядро элегии.

В концовке Некрасов обращается к «подруге темной участи»:

<...> Подруга темной участи моей!
 Оставь скорее берег, озаренный
 Горячим блеском солнечных лучей
 И пестрою толпою оживленный, –
 Чем солнце ярче, люди веселей,
 Тем сердцу сокрушенному больней!

Концовка «разрастается» описанием берега, которое создается нанизыванием его характеристик. В последних двух строках появляется резкий контраст: «яркость жизни» и «близость неминуемой смерти». Поэт возвращается к ситуации начала цикла (первая элегия). Это проявляется и в отдельных лексемах: «не ты горька, моя подруга» – «подруга участи моей», «грядущее темно» – «темная участь», «жадный недуг» – «боль в

сердце». Можно сказать, что с точки зрения композиции цикла первая и третья элегии образуют тематическое кольцо.

А.М. Гаркави, говоря о тематическом единстве «Последних элегий», отмечал, что «содержание раскрывается здесь не в виде последовательного изложения, а в виде разных по стилю вариаций на одну и ту же тему» – «смерти поэта в момент, когда он уже преодолел тяготы голодной и одинокой юности и равнодушия толпы». «Единство достигается и переключкой образов, которые переходят, трансформируясь, из одной элегии в другую» [7, с. 2]. Ю.М. Лотман отмечал «единство ритмико-синтаксического» строя и «стилистического». Мы, дополняя суждение Гаркави, Лотмана, можем отметить 1) единство композиционного типа («разрастающегося») для каждой элегии, что еще раз подтверждает правильность выделения данного типа композиции; 2) кольцевую композицию цикла в целом. Кроме этого, добавим, что общность проявляется на метрическом и строфическом уровнях – все три элегии написаны 5-стопным ямбом, астрофичны. Метрика и строфика элегий нами подробно рассмотрена в предыдущей статье [12].

Список использованной литературы:

1. Слонь, О.В. О типологии элегических композиций Н.А. Некрасова / О.В. Слонь // Вестн. ОГУ. – Оренбург, 2004. – №11. – С. 69-74; Слонь О.В. К вопросу о типологии композиций элегий Н.А. Некрасова / О.В. Слонь // Материалы регион. науч. практ. конф. молодых ученых и специалистов Оренбургской области. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 74-75; Слонь, О.В. Элегические концовки Н.А. Некрасова / О.В. Слонь // Художественный текст: варианты интерпретации: труды X межвуз. науч. практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 128-131.
2. Гаспаров, М.Л. Три типа русской романтической элегии: индивидуальный стиль в жанровом стиле / М.Л. Гаспаров // Избранные труды: в 3 т. Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 362-382.
3. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 1-10 / Н.А. Некрасов. – Л.: Наука, 1981-1985.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л.: Наука, 1972. – 271 с.
5. Савостин, И.Г. Сюжет дороги в поэзии Некрасова («Последние элегии») / И.Г. Савостин // Жанр и композиция литературного произведения. – Калининград, 1978. – вып.4. – С. 32-44.
6. Опришко, Е.Н. Поэтика жанра элегий Н.А. Некрасова / Е.Н. Опришко // Жанры русского реализма. – Днепропетровск, 1983. – С. 25-36.
7. Гаркави, А.М. Композиция стихотворных циклов Н.А. Некрасова / А.М. Гаркави // Жанр и композиция литературного произведения. – Калининград, 1980. – вып. 5. – С. 37 – 50.
8. Ляпина, Л.Е. Русские литературные циклы (1840-1860 гг.): монография / Л.Е. Ляпина. – СПб.: Образование, 1993. – 114 с.; Ляпина, Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л.Е. Ляпина. – СПб: НИИ химии СПбГУ, 1999. – 281 с.; Дарвин, М.Н. Циклизация литературных произведений: к проблеме понимания / М.Н. Дарвин, В.И. Тюпа // Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 14-58; Фомичев, С.А. «Песни западных славян» (история создания, проблематика и композиция цикла) / С.А. Фомичев // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. – Л.: Наука, 1983. – С. 130-144.
9. Холшевников, В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения / В.Е. Холшевников // Анализ одного стихотворения. – Л., 1985. – С. 5-49; Сильман, Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 223 с.; Евсеева, Р.А. Поэтика композиции лирики В.А. Жуковского: дис. канд... филол. наук / Р.А. Евсеева. – Оренбург, 2003. – 223 с.
10. Фризман, Л.Г. Жизнь элегического жанра (Русская элегия от Сумарокова до Некрасова) / Л.Г. Фризман. – М.: Наука, 1973. – 167 с.
11. Семенко, М.И. Жизнь и поэзия Жуковского / М.И. Семенко. – М.: Худож. лит., 1975. – 256 с.
12. Слонь, О.В. Метрическая композиция элегий Н.А. Некрасова / О.В. Слонь // Филологические чтения: материалы всероссийск. науч. практ. конф. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С. 228-231.